

Анатолий Мусатов

**Реквием
по
идиоту**

18+

Анатолий Мусатов

Реквием по идиоту

«Автор»

2025

Мусатов А.

Реквием по идиоту / А. Мусатов — «Автор», 2025

После покупки квартиры, мужчина, разбирая хлам, оставшийся от прежнего владельца, наткнулся на старый дипломат. В нем он обнаружил несколько блокнотов и ученических тетрадок, исписанных неровным, почти неразборчивым почерком. Мельком просматривая бумаги, что-то в этих записках привлекло мужчину. Он решил повременить с выбрасыванием залежалой кучи истрепанных бумаг в мусоропровод.... Позже, копаясь на антресолях, он наткнулся на чемоданчик. Невольно мужчина втянулся в просмотр записок. Поначалу он не мог понять, что заставляет его их читать, но постепенно понял: странная манера письма и какая-то вселенская отстраненность чувств бросались в глаза почти в каждом из этих текстов. Одно обстоятельство привлекло его внимание: все записи были в третьем лице. Выходило, что записки были о ком-то, весьма знакомом автору человеку. Было очевидно, что автор писал о себе, но почему-то в третьем лице. Разгадка этих записок нашлась в самом конце одной из тетрадей...

© Мусатов А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предыстория	6
Желтый блокнот	7
*****	8
*****	9
Блокнот без обложки	10
*****	11
*****	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анатолий Мусатов

Реквием по идиоту

Пока мы откладываем жизнь, она проходит.

Луций Анней Сенека

Предыстория

Квартиру, которую я недавно купил, продавали наследники умершего мужчины. Не желая чистить многолетние завалы своего почившего родственника, они оставили ее как есть, то есть страшно захламленной. Родственник, с которым я вел дело, по поводу моих расспросов хмыкнул: «Нам его похороны обошлись в копеечку. Так что возиться с оставшимся барахлом я предоставляю вам». «Но также квартира идет дешевле?». На что мужчина, философски заметил: «А разве вас это не устраивает?».

Вытаскивая кучи хлама, я наткнулся на старый дипломат. Когда-то это была роскошная вещь. Престижная. Обтянутый телячьей кожей тисненой фактуры, светло-коричневого оттенка, этот чемоданчик придавал его владельцу определенный статус. И начинка всегда соответствовала его статусу. Но дни чемоданчика прошли.

Теперь в потерявшем цвет и форму предмете лежали несколько блокнотов и ученических тетрадок, исписанных неровным, почти неразборчивым почерком. Некоторые листки в блокнотах не читались. По виду тетрадей можно было предположить, что они иногда служили подкладками под сковородки и кастрюли. Листы были залиты бурыми пятнами, либо замазаны непонятной субстанцией или пропитаны масляными потеками. Никаких причин хранить эту макулатуру у меня не было. И все же что-то остановило меня от выбрасывания залежалой кучи истрепанных бумаг в мусоропровод. Мельком глянув на бумаги, я оставил чемоданчик. Что-то в этих записках меня привлекло. Но уйма дел и время поджимали, поэтому разбор бумаг я отложил на потом. ...

Много позже, копаясь на антресолях, я вновь наткнулся на чемоданчик. Невольно я втянулся в просмотр записок. Поначалу я не мог понять, что заставляет меня их читать. Но постепенно до меня дошло. Странная манера письма и какая-то вселенская отстраненность чувств бросались в глаза почти в каждом из этих текстов.

Читал я вперемешку. Отрывки и фрагменты записей сменялись развернутыми описаниями случаев из жизни. В блокнотах было больше отрывков. Тетради, возможно в силу их большей протяженности пространства для письма, давали простор откровениям и более подробным описаниям жизненных ситуаций. Правда, таких было немного по сравнению с рваноторопливой скорописью текста в блокнотах. Я предположил, что, возможно, мужчина носил блокноты с собой, а тетрадям он обращался дома в минуты смурных, пьяных загулов. Много было записей чисто практического свойства: подсчеты, списки долгов, расписания автобусов, электричек, имена, номера телефонов и просто листков, заполненных неразборчивым почерком. Но мне это не мешало. Я их пропускал автоматически. Глаза сами находили более-менее значимые тексты.

И еще одно обстоятельство привлекло мое внимание: все записи были в третьем лице. Выходило, что записки были о ком-то, весьма знакомом автору человеку. Было очевидно, что автор писал о себе, но почему-то в третьем лице. Создавалось впечатление, что мужчина хотел взглянуть на себя как-бы со стороны, понять, что же он такое на самом деле. Разгадка этих записок нашлась в самом конце одной из тетрадей. Едва разборчивым, нервным почерком на отдельной странице было написано: «Он был идиотом. Жил, как идиот, и умер, наверное, тоже так же...».

Желтый блокнот

Мужчина отставил стакан. Он пил уже несколько часов подряд. Почти весь день. В последнее время запои становились все чаще и продолжались дольше. Наутро мужчина похмелялся остатками и заново валился отсыпаться. Вечером надо было вставать.

Бывало питье заканчивалось. Он с трудом одевался и выбирался из квартиры. Оказавшись на улице, мужчина останавливался в раздумье. На ней было несколько торговых точек для продажи спиртного. Направо павильоны, налево маркеты. До маркетов было гораздо ближе. Но мужчина, не задерживаясь, направлялся к павильонам. Там, в одном из них, работала славная дама. Она всегда давала товар в любое время. Иногда у мужчины не хватало денег. Тогда дама, скупно улыбнувшись, говорила: «Потом занесете».

Мужчина, благодарно кивая, бормотал слова признательности. Эту славную даму он не подводил никогда. С получки первым делом он направлялся на эту торговую точку. Выкладывая на прилавок несколько купюр, он ждал, пока дама отсчитает накопившийся долг. На остальное она выставляла несколько бутылок непонятного водочного бренда. Мужчина аккуратно складывал их в пакет. Женщина, улыбаясь, прощалась с ним. И, глядя ему вслед, вздыхала.

Она имела на него свои виды. Жизнь проходила мимо ее павильона стремительно и бесповоротно. Женщина тоскливо смотрела из-за прилавка на улицу. Там, за огромным витринным стеклом проносилась чужая жизнь. Пусть этот мужчина пьет. Он одинок и неухожен. Заботливая рука и уход сделают свое дело. Она видела, что мужчина несчастен. Это сразу бросалось в глаза. Не от того, что он заискивающе просил у нее одолжения на отсрочку оплаты. Он был по природе мягок и деликатен. Такой жаждет ласки и ухода, но сам никогда не попросит об этом. Пора с ним поговорить, – пригласить домой и поговорить. Как только придет, не откладывая, сразу привести его к себе домой. Женщина поморщилась. К себе бы она привела его немедленно, но чувствовала, что мужчина может испугаться. Кто его знает, как он воспримет ее предложение. Лучше сначала к нему. Предлог найдется...

Дома мужчина выставлял на стол одну из бутылок. Остальные он прятал по разным местам. Такая стратегия давала ему возможность не остаться без допинга, когда дела были совсем плохи.

Работа сторожем на огромном складе промзоны не приносила большого дохода. Иногда ему подкидывали несколько ассигнаций за то, чтобы он на некоторое время посидел у себя в каморке и не высывался. Мужчина так и делал. Эти купюры всегда были кстати. Его не интересовала суетливая беготня нескольких крепких парней по складскому помещению. Это было не его дело. Главное, чтобы такой доход не иссякал. А потому он тщательно следил за входом на прилежащую к складам территорию. Лишние люди были тут ни к чему. А потому от его бдительности зависели не только денежный приварок, но и сама его синекура в виде должности сторожа.

По своим статям он мог считаться еще крепким мужчиной. Был крепким... Он чувствовал, что его силы на исходе. Стати статями, но душа его была изъязвлена такими прорехами боли, страданий, унижений, что эти язвы превратили его жизнь в несвязные обрывки бессмысленного существования...

... мужчина лежал неподвижно, хотя рука его затекла. Вечерняя мгла, наплывая в комнату, поглощала последние остатки воспоминаний. Хотя в последнее время их становилось все меньше, терзали они по-прежнему жестко и безжалостно. Мужчина не хотел засыпать. Во сне ему приходилось жить той полноценной жизнью, которая давно сгинула в безвозвратной дали бесстрастного времени. Он думал, что лучше бы ему не засыпать, а взять старый «Макаров», выданный для охраны имущественных ценностей на складе, и кончить эту бодягу разом. Покинутая жизнь в эфемерном бытии мучила его сильнее, чем наяву в этом мерзком, подлом мире.

В сгустившемся мраке ему являлись видения. Они были ничуть не лучше тех, что терзали его душу в снах. Он устал с ними бороться. Искушение прекратить эти издевательства подступало все ближе и настойчивее. Ничто не помогало избавиться от настырного проклятия, накрепко засевшего в памяти. Делириум, в который он погружался без остатка, ничуть не снимал тяжести воспоминаний. Наоборот, воспаленное воображение начинало безудержно рисовать картины былого счастья и удачи.

Чаше других всплывали дни студенческой страды. Общежития, репетитории, выездные концертные турне для обыгрывания программы, банкеты в ресторанах отеля и полные страстей и любовных терзаний часы обрушивались на него со всей силой непосредственного чувства.

Чем далее отстояли по времени видения, тем больше они бередили душу. Поздние наваждения были скучны, обрывочны. Они были почти неотличимы от длинного ряда безликих дней, тянувшихся мучительной чередой. Мужчина старался отбросить их. Он желал выбраться из этого болота бессмысленной жизни. Но болото держало цепко. Лишь иногда, как сверкнувшая искорка, воспоминания той жизни, где ему грезились великие свершения, пробуждали надежду. Только это еще удерживало его от рокового, необратимого шага в бездну небытия...

Мужчина думал: если тебя гнетет что-нибудь внешнее, то не оно тебя мучает, а твоя мысль о нем. Но стереть ее от тебя же зависит. Именно! Если ломается что-нибудь в твоём душевном складе, кто помешает тому, чтобы ты восстановил статус кво? Ежели ты все-таки не в силах отрешиться от душевной муки, не делая того, что представляется тебе здоровым, не лучше ли делать, чем мучиться?

Тогда отбрось самокопание, – не в тебе, значит, причина бездействия. Так ведь жить не стоит, если ничего не предпринимать. Будь мужиком, соберись с духом и уйди из жизни умиротворенно. Так умирает тот, кто хотя бы попытается изменить свою карму, стоически принимает свой удел.

Блокнот без обложки

Чай слегка горчил. Мужчина отставил чашку и встал из-за стола. Пора было выходить.

Еще несколько лет назад он вел светский образ жизни. Вот и сегодня на десять утра у него была назначена деловая встреча. Заказчик был человек со странностями. Он желал, чтобы его замысел был воплощен в полном соответствии с его эфемерными представлениями о принципах обучения всей сферы музыкального мастерства. От «А» до «Я». Не больше и не меньше. Сам же он никаким образом не связан с миром музыки. Его представления о методах обучения были почерпнуты из многочисленных литературных текстов и интернетовских сайтов.

По роду деятельности заказчик одновременно был и издателем, и редактором захудалого издательства. Однажды, при редактировании некоей методички по внеклассному обучению детей музыке в школе, его вдруг осенило. По тому, как он пространно и сбивчиво, перескакивая с пятого на десятое, объяснял свою идею, мужчина понял одно: если что и можно почерпнуть из этой фантазмагоричной ситуации, то только приличный гонорар в виде аванса. Ибо идея создать тот контент, претендующий на парадигму музыкальной педагогической науки была сродни тихому идиотизму.

Поначалу мужчина попытался направить ход рассуждений заказчика в какое-то практическое русло. Но спустя получасовых усилий уточнить форму и смысл идеи, он оставил это. Кивая головой и вставляя иногда междометия, мужчина думал только о том, как бы из-за этого маразматического бзика в издательской голове, его заказ на издание своего реферата не превратился в долгую и нерешаемую проблему.

Мужчина выбрал это издательство из-за заманчивых предпочтений в виде издательских уступок. Его они устроили полностью. Вот только общение с издателем в таком стиле стало для мужчины обременительной тратой времени. Приходилось убивать его на обсуждение подробностей бредовой идеи. Издатель носился с ней истово и бесконечно. Заходя к нему в кабинет во время своих визитов в издательство, мужчина сталкивался в дверях с парой-тройкой типов с мятыми лицами. Издатель пояснял их присутствие тем, что они когда-то были весьма известными личностями и музыкальном мире. Но непредвиденные ситуации внесли в их жизни трагические коррективы, и они спились. «Но ведь мастерство и знания не пропьешь!», – с коротким смешком пояснял издатель.

Мужчина соглашался. Справляясь о своей книге, он вежливо прерывал бесконечный поток издательского красноречия. Тот, запнувшись на мгновение, соображал, чего от него требуют. Осознав вопрос, издатель всплескивал руками: «Как же, как же! Да все уже давно готово, но я никак не мог забрать из типографии ваши труды. Дела, знаете ли, высасывают всю память и силы. Но ничего, вы позвоните мне завтра, и я сообщу, когда вам подъехать за книгой...».

Мужчина понял, что пройдоха-издатель водил его за нос, вытягивая нужную ему информацию. Забрав на следующий день тираж книги, он вечером устроил банкет среди родственников, знакомых и просто нужных для дела людей...

...имя ее он не помнил. Эпизод с этой бабой из магазина «Диета» случился очень давно. Он только что оформился туда художником-оформителем. Здание магазина было угловым на пересечении улицы Чехова и Садового кольца. Место, отведенное для работы, было превосходным. Второй этаж с полностью застекленными стенами открывал прекрасный вид на широкий простор сочленения улиц. Дополнял его мастерскую широкий балкон. Пара стульев и столик иногда служили ему местом отдыха. В компании какого-нибудь приятеля, за парой бутылок пива они неспешно обсуждали свои текущие дела.

Что и говорить, мужчина в магазине стал приметной личностью. Молодой, симпатичный, возрастом чуть за тридцать, он был нарасхват на предмет внимания у всего обслуживающего персонала. Молодые продавщицы млели от желания завести с ним знакомство. Но мужчина не спешил предаваться амурным делам. Его больше увлекала практическая сторона дела. Едва он объявился в штате, как зав. магазином ясно дала понять, что дружба с ней и выгодна и более надежна, чем возня с профурсетками-продавицами. В годы дефицита иметь постоянный доступ к продуктам было само по себе уже божьим даром. Он охотно пользовался любезным расположением заведующей, но переходить на большее не торопился. Он хорошо знал последствия этих отношений.

Разговоры были разные. В основном они касались любвеобилия этой дамы. Скандал, случившийся с его предшественником, был еще на слуху у всего персонала магазина. Но убеждаясь от позывов природного инстинкта он все же не смог. Женщина, сподобившая его на скромное, была хитрее своих товарок. Черненькая, худощавая, она не прыгала вокруг, когда он приходил за списком товаров на ценники. Глянув пару раз глубокими зрачками, она сказала, что занесет список, когда тот будет готов.

Ее хитрость он оценил позже, когда был вынужден выяснять, что же она написала таким неразборчивым почерком. Эти два-три раза сделали свое дело. Разъясняя закорючки своего почерка, она прижималась грудью к нему, совершенно не стесняясь откровенного флирта. Такое поведение разрушило все границы. Когда он, распалившись, облапал податливое тело, не пропуская ни единого сокровенного места, ее нечаянные намеки вмиг перешли в конкретное предложение переспать у нее дома. По окончании работы она зашла к нему. Прислонившись к двери, она замерла в ожидании. Он не стал ее томить долгой возней. Он был уже готов.

Поднимаясь за ней по лестнице к ее квартире, мужчина заморожено смотрел на ее покачивающиеся бедра. Он знал, что она чувствует его взгляд. Не своим безумно желанным задом, но чутьем женщины, которая поймала в сети горящую страстью мужскую плоть. Через час, опорожнив на пару бутылку портвейна, она встала. Отойдя к ширме, медленно стащила с себя платье. Ее худое тело изогнулось в призывном импульсе. Мужчина встал. Также медленно, ибо хотел продлить миг соития, приблизился. Потом была кровать, несколько часов истомы, напряжения и сладких пароксизмов оргазма.

На следующий день, в обеденный перерыв его позвали к заведующей. В кабинете его встретило гробовое молчание. Несколько минут он разглядывал фигуру заведующей, грузно осевшей в кресле. Выждав паузу, она поворотила к нему покрытое красными пятнами, скорбное лицо. И тут же ее словно прорвало. Зайдя в неистовом гневе, она кричала, как он мог спать с сифилитичкой, так просто бросится на кусок бабского дерьма. Ее большое, рыхлое тело тряслось, как в лихорадке. Он, спокойно переждав приступ ярости, спросил, в чем дело. Разгадка была проста. Его вчерашняя любовная случка стала известна всему магазину. Партнерша по сексу, ничтоже сумняшися, разнесла весть о своей победе меж любопытных товарок. Тем самым, она выиграла спор, что переспит с этим недоступным мужиком.

Смотря в пыльное окно своей сторожки, мужчина отрешенно думал об исчезнувших в безвременьи кусках своей жизни. Они часто казались ему совершенно посторонними, случившимися не с ним, а с кем-то, про которого он иногда вспоминал. Тот человек был другим. Его обуревали страсти, желания, он хотел быть значимым и весомым в сообществе. По-разному это выражалось. Но одно было всегда главным, превалирующим в его ментальности.

Он всегда чувствовал где-то в глубине своего Я непонятное ощущение незавершенности. Как-будто оттуда к нему взывало некая сущность: «Не твое это. Ищи, не обманывай себя!».

Мужчина часто вспоминал годы своей юности. Тогда все в нем было подчинено единой цели. В своем делании из себя музыканта, он исходил из всепоглощающего мысли и душу перфекционизма. Он должен быть первым, лучшим...

Несмотря на многочасовые занятия, полностью погрузиться в замысел ему не удавалось. То самое ощущение исподволь разрушало все его усилия. Он старался, но все было тщетно. Чего-то не хватало ему до достижения вершины мастерства. Часто случалось так, что блестяще сделанная вещь вдруг при исполнении на ответственном концерте, превращалась в беспомощный хаос звуков.

Он застывал, пораженный не своим конфузом, а тихим, слабым голосом: «Не старайся быть высшим воплощением идеала. Будь собой, только тогда сможешь пойти дальше...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.